

Е. Г. Падерина

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН
Москва, Россия*

**«Всё – ум, везде – ум»:
гоголевский мотив в философии Кречинского**

Сухово-Кобылин давно был признан преемником Гоголя-комедиографа, но до сих пор эта научная тема очерчена тезисно (сатирический взгляд и трагикомический способ отражения русской действительности). Между тем художественная концепция первой комедии Сухово-Кобылина и его трилогии в целом базируется на серьезном и вдумчивом диалоге с Гоголем об актуальных проблемах русской жизни. В статье, в частности, речь идет о важной, по мнению обоих драматургов, проблеме самосознания русского человека – соотношении понятий «ум» и «плутовство». Сближение этих понятий в одном литературном мотиве в русской комедиографии известно по комедии Грибоедова, Гоголь же рассмотрел соотношение этих понятий в воззрении на жизнь многих своих героев, в том числе Чичикова. Внимание автора статьи сконцентрировано на «Игроках» Гоголя и «Свадьбе Кречинского» Сухово-Кобылина, где мотив погружен в тему шулерства в карточной игре и в жизни. «Умные» плуты и шулеры у Гоголя принадлежат к разным поколениям, и в финале «Игроков» (1842) развенчана система ценностей уже самостоятельного Ихарева и юного недоросля Глова, оба оказываются перед новым выбором жизненного пути. Так комедиограф выразил тревогу о судьбе поколения молодых деятелей, а в своей последней книге («Выбранные места из переписки с друзьями», 1847) Гоголь с тревогой размышлял о судьбах России, упрекая современного русского человека в готовности прослыть хоть бы и плутом, но только не дураком. Кречинский – Ихарев своего поколения. Хотя он умнее и практичнее, а его амбиции много больше, коллизия героя Сухово-Кобылина подобна ихаревской: философия так же основана на приоритете ума («Всё – ум, везде – ум»), ум так же отождествляется с плутовством, в финале герой тоже терпит фиаско. Однако перспектив выбора, предложенных Гоголем поколению деятелей, Сухово-Кобылин не признает, и Кречинский в момент фиаско не испытывает сомнений в своей философии. Расплюев и Муромский воплощают две возможные для Ихарева судьбы, но не только жизнь Расплюева, шулера-неудачника, драматург оценивает отрицательно, но и в выборе Муромским стези успешного помещика перспектив не видит. Судьба гоголевских карточных игроков и авантюристов в изменившихся исторических условиях 1850-х гг. в первой пьесе трилогии Сухово-Кобылина оказывается незавидной.

Ключевые слова: Сухово-Кобылин, Гоголь, комедии, поколения, плуты, шулеры, мотив «ума».

Падерина Екатерина Геннадьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела русской классической литературы Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН (ул. Поварская, 25а, Москва, 121069, Российская Федерация, info@imli.ru)

То, что Сухово-Кобылин – «творческий преемник и продолжатель дела Гоголя» [Гроссман, 1940, с. 19], не требует доказательств, как и то, что в комедиях оба воплотили сатирический, по преимуществу, взгляд на реальность и обнаружили тяготение к трагикомическому полюсу. В один ряд с «Ревизором» ставили пьесы Сухово-Кобылина современники, преемничество прописано и в очерках и монографиях о творчестве Сухово-Кобылина. Однако пока все отсылки к Гоголю носят тезисный характер, историко-культурная экспозиция «гоголевского фактора» рождения трилогии только обозначена и подана как выбор ее автором прогрессивного литературного направления в виде следования программным положениям «Театрального разъезда»¹. Между тем проблема наследования гоголевского опыта в драматической словесности существенно шире и глубже. И вопрос, какое, собственно, «дело» продолжил Сухово-Кобылин, открывает целый спектр не изученных пока или недостаточно проработанных научных аспектов в описании литературного процесса середины XIX в. Проясним, в частности, положение вещей в исходном пункте, отделив в названном ряду очевидностей специфические компоненты наследования от «рефлексов» литературного процесса.

Провозглашая Гоголя создателем в русской литературе «сатирического или, как справедливо будет назвать его, критического направления» [Чернышевский, 1984, с. 46], Чернышевский выражал мнение не только соратников, но и вообще литературного большинства. И если в поэзии и прозе альтернативный путь – вслед за Пушкиным – сохранял актуальность и обсуждался, в комедиографии выбор был предопределен. Другое дело, что «молодую поросль», устремившуюся за Гоголем, в середине века составляли не только молодые в буквальном смысле литераторы, а кроме того – мало кто оказался способным драматургом и не проще оказалось дело с сатирой или, следуя логике Чернышевского, с критикой². В сущности, «продолжателями» дела Гоголя-комедиографа хотели стать многие, а в узком жанрово-родовом значении это удалось только Островскому и Сухово-Кобылину. Но и не в этом специфика преемничества Сухово-Кобылина, да и не Гоголь, как известно, был создателем отечественной сатирической комедии, а заветы автора «Театрального разъезда» были более чем актуальны в 1840–1850-е гг., но вовсе не новы были бы для Фонвизина и Капниста.

Неспецифичной для середины века является и карточно-шулерская тема первой комедии Сухово-Кобылина. В российском быту карты и после останутся одной из самых распространенных порочных зависимостей, но интерес к ним переместится в беллетристику, в художественной литературе тема карточной игры со случаем сузится до редких эпизодов, а у Достоевского коллизия овладения случаем и подчинения фортуны обострится до противоборства механистической силе («Игрок»). Однако в середине 1850-х гг. карточную игру еще совершенно естественно привлекли к формированию психологического портрета героя и/или поколения большие художники слова – Достоевский («Село Степанчиково...») и Толстой («Два гусара»), причем оба рассматривали именно пограничную зону между игрой «азартной» и «коммерческой», «на счастье» и «наверняка», реализуя ресурс моделирования жизненной позиции и поведенческой логики.

Здесь появляется повод говорить о собственно сухово-кобылинском наследовании, а сам типологический ряд литературных сюжетов с картами резко сужает-

¹ Ближайший к нам опыт глубокого содержательного анализа трилогии вообще отрицает гоголевское влияние [Сухово-Кобылин, 1989, с. 256].

² В примечании к своему тезису Чернышевский описал современное ему понятийное различие: «Сатирическое направление отличается от критического, как его крайность, не заботящаяся об объективности картин и допускающая утрировку» [Чернышевский, 1984, с. 46].

ся. Прежде всего: по части неординарного читательского взгляда на многочисленных предшественников со стороны карточной темы Сухово-Кобылин оказывается в замечательной компании – Пушкина, Гоголя, Достоевского и Толстого. Дело в том, что и восприятие жизни сквозь призму карточных понятий, и соответствующие литературные образы в отечественной словесности распространились с 1810-х гг., но Сухово-Кобылин, как и Достоевский и Толстой, в художественном решении опирается исключительно на Пушкина и Гоголя, и все они подчеркивают это цитатами, реминисценциями, а также аллюзиями к реалиям пушкинской и гоголевской эпохи³. Это и понятно, поскольку пушкинская «Пиковая дама» подвела итог обширной традиции⁴, тема «приобрела ту принципиальную многозначность, которая позволила ей наполниться неожиданно емким содержанием» [Лотман, 1997, с. 814]. Гоголь, со своей стороны, пушкинскую иронию по поводу «фаталистически-серьезного отношения к азартной игре как к трагедии рока» превратил в откровенную насмешку [Ронен, 2001], «разжаловав» нравственные aberrации Германа в неумеренные и бесосновательные амбиции провинциального шулера, «тайне» трех карт придав вид рукотворного фокуса⁵, а большую часть предшествующих литературных и драматических карточных мотивов введя в кругозор своих героев, цитирующих в числе прочего и пушкинскую повесть. Таким образом, берясь за истрепанную литературой тему и сопутствующие ей психологические коллизии, Сухово-Кобылин в итоге оказывается в узком кругу классиков, выказывая ту же читательскую зоркость и сопоставимую неординарность собственного высказывания. А в этом ряду, между тем, по линии комедийного решения мотива остаются двое – Гоголь и Сухово-Кобылин.

Мотивобразующую максиму «ум – великая вещь» у Гоголя формулирует Ихарев, в понимании которого «ум» обеспечил ему уважение компаньонов, явился залогом его успеха и выведет его в общество «порядочных» и «просвещенных» людей, а там – в карточные Наполеоны; шулерство для него – «тонкость ума». В гоголевской комедийной антропологии в целом мотив разворачивается в разных оппозициях умного и глупого, хитрого и наивного, расчетливого и импульсивного, авантюрного. И в каждой следующей паре персонажей автор высвечивает другие грани «ума», определяемые целями (корыстными или напротив), но и, что важнее в нашем случае, определяющие эти цели. В этом круговороте в большой степени заключена русскость гоголевских комедийных (и не только) типов⁶, очевидная схожесть их друг с другом при невозможности выстроить линейную типологию. К примеру, Ихарев в равной степени подобен и Городничему, и Хлестакову, так же и Утешительный; и это относится не только к типу, но и к роли, в то время как различия тоже бросаются в глаза. И все комедийные гоголевские персонажи по линии мотива «всё – ум» могут быть погружены в контекст «Мертвых

³ Об этих деталях повестей Толстого и Достоевского см. подробно: [Падерина, 2009, с. 355–392].

⁴ Обзор литературных и драматических источников пушкинской повести, вобравших все предшествующие модификации игорной темы, см.: [Виноградов, 1980, с. 177–187].

⁵ Вместо трех верных карт Германа Ихарев пытается заручиться помощью целой верной колоды, показывая новым товарищам фокус с отгадыванием любой карты на расстоянии; своеобразным фокусом, так и не разгаданным Ихаревым, можно считать и театрализованный розыгрыш Утешительного.

⁶ Ср. в «Выбранных местах...» (гл. XVIII «Занимающему важное место»): «Если вы узнаете плута не только как плута, но и как человека вместе, если вы узнаете все душевные его силы <...> тогда вы сумеете так попрекнуть его им же самим <...> что в нем явится вдруг отвага быть другим, и тогда только вы почувствуете, как благородна наша русская порода, даже и в плуте» [Гоголь, 1952, т. 8, с. 351].

душ», где Чичиков, «тонко разумеющий игру» за зеленым сукном, и по жизни – «человек тонкий и действующий наперняка».

Мотив, однако, является гоголевским в том именно значении, какое образует реплика в литературном диалоге на тему, и в отечественной литературе высказывания на эту тему столь же многочисленны и разнообразны, как и по поводу карточной игры. Сообразно многозначности понятия «ум» выстраивалась и оценочная палитра – до Грибоедова в большинстве своем без полутонов, в «Горе от ума» – это уже непростая дилемма, в дальнейшем ответом на вопрос «что есть ум» в позитивном и негативном ключе – для человека, поколения, русской культуры вообще – задаются уже и писатели, и драматурги, и философы.

У Грибоедова к карточной теме мотив примыкает в речи Репетилова, расхваливающего Чацкому ум Удушьева («голова у нас, какой в России нету») и «сок умной молодежи» в карточном клубе, а относится – к Молчалину, который всего лишь – «рад не рад» – играет, по словам Лизы, целыми днями со «старичками», но который зато нечист на руку в житейской игре и реализует репетиловское – «умный человек не может быть не плутом». Репетилон устно, Молчалин на практике подтверждают, как известно, сентенцию Клеона из «Le Méchant» Грессе (1747) – «Многие порядочные люди из породы плутов» («Beaucoup d'honnêtes gens cont de ces fripons-là» [Gresset, 1747, p. 125]). В 1820-е гг. комедия Грессе переводилась и переделывалась в России, Клеон стал протообразом многих литературных персонажей, а М. Загоскин и П. Каратыгин привлекли его к карточно-шулерской теме [Вольперт, 1979, с. 169]. К этому или такому герою светской комедии и к грибоедовской оппозиции ей Чацкого («малого с головой» в значении «с эдаким умом», по аттестации Фамусова) отсылает приведенная выше ихаревская установка, за которой в его реплике следует: «В свете нужна тонкость. <...> Этак прожить, как дурак проживет – это не штука. Но прожить с тонкостью, с искусством, обмануть всех и не быть обмануту самому. Вот настоящая задача и цель» [Гоголь, 1949, т. 5, с. 93]. Иначе говоря, Ихарев только стремится туда, где уже существует Кречинский. И что же последний? А его во втором действии осеняет: «Всё – ум, везде – ум! В свете – ум, в любви – ум, в игре – ум, в краже – ум!.. Да, да! Вот оно: вот и философия явилась» [Сухово-Кобылин, 1989, с. 89]. Заметим, что «везде» – это в свете, как у Грессе и Репетилова с Молчалиным; в любви – как у Чацкого, доказывающего Софье, что Молчалин – не умен, а потому и недостоин ее; в игре – как у Германна и Ихарева; наконец – в краже, и это Кречинский уже о себе: раньше «ведь философии-то не было», а теперь, в полном перечне, «вот и философия явилась».

Кречинский – сознательно или нет – наращение философии «умных» литературных предшественников выводит непосредственно из «Игроков». Ихаревский монолог о великости ума сопутствует ощущению полного успеха (в преддверии фиаско в развязке); в подобной ситуации рождается и вывод Кречинского, только что сочинившего план аферы и отправившего Расплюева за солитером. «Порядочный человек» Ихарев, считая ум залогом своего успеха, вынужден согласиться, что такой ум – плутовство, но тут же утешается: «Ну положим, плутовство. Да ведь необходимая вещь, что ж можно без него сделать? Оно некоторым образом предостерегательство» [Гоголь, 1949, т. 5, с. 98]. Так и философия Кречинского является результатом умозаключения, успокаивающего если не совесть, то достоинство по-репетиловски «порядочного человека», а поначалу, вслед расплюевскому «понял, понял», он отрицает прямой смысл сочиненного плана: «Понял, понял... Ничего, дурак, не понял. Он думает, что я красть хочу, что я вор. Нет, брат: мы еще честью дорожим; мы еще вот в этом кармане (*показывает на голову*) ресурсы имеем» [Сухово-Кобылин, 1989, с. 40].

В «Свадьбе...» этот прием построения интриги не только аналогичен гоголевскому (выход героя из патового для самооценки положения при поддержке «услужливой совести»), но организован как развивающий ихаревскую ситуацию. Солитер для Кречинского – то же, что заповедная именная колода для Ихарева, а в момент мнимого успеха у обоих дыхание перехватывает. Только перед гоголевским героем маячат двести тысяч («Ведь это для иного век службы, трудов, цена вечных сидений, лишений, здоровья. А тут в несколько часов, в несколько минут – владетельный принц! Шутка – двести тысяч! да где теперь найдешь двести тысяч? Какое имение, какая фабрика даст двести тысяч?») [Гоголь, 1949, т. 5, с. 97]), а в планах Кречинского это всего лишь стартовая сумма, которую может обеспечить женитьба (а прежде «кража» как способ избежать банкротства): «У меня в руках тысяча пятьсот душ, – и ведь это полтора миллиона, – и двести тысяч чистейшего капитала. Ведь на эту сумму можно выиграть два миллиона! и выиграю, – выиграю наверняка; составлю себе дьявольское состояние» [Сухово-Кобылин, 1989, с. 32]. Кроме того, Ихарев впервые в жизни задается «гамлетовским» вопросом (плутовать или не плутовать) и именно перед развязкой, получив от Утешительного урок, а для Кречинского такого рода вопросы чуть не повседневность. Он играет в жизни в «большую игру» («Делаю, что называется, отличную партию. У меня дом, положение в свете, друзей и поклонников куча... Да что и говорить! (радостно) игра-то какая, игра-то!» [Там же, с. 33]) и уже в первом действии решает «гамлетовский» вопрос посерьезнее: «Ведь это целый миллион в руку лезет. Миллион! Эка сила! форсировать или не форсировать – вот вопрос! (Задумывается и расставляет руки.) Пучина, неизведомая пучина. Банк! Теория вероятностей – и только» [Там же, с. 22]. Заметим, кстати, что «вопрос» его в том, пускаться ли на риск, как в игре в банк, и трактовка литературоведами гоголевской традиции у Сухово-Кобылина как выбора якобы заповеданной завязки (стремление к «выгодной женитьбе» и к «денежному капиталу») не согласуется как с Гоголем (в «Игроках» которого оба героя стремятся по-разному и к разному – выигрышу, но не к «капиталу»), так и с Кречинским, растратившим все что было и восклицаящим – «Боже! как бывают иногда нужны деньги!..» [Там же, с. 32], но живущим «умом», а не «капиталом» (отсюда переделанный куплет, где «несчастье лишь обман, / Коль сегодня пуст карман, / Завтра мы богаты»), а жениться решившимся («Господи! не во сне ли я!»), поскольку «скверно», что связался с «шушерой», а «порядочные люди и эти чопорные бары стали <...> отчаливать <...> видно, запахло!» [Там же, с. 32–33].

При том, что Сухово-Кобылин рассматривает ситуацию, подобную ихаревской, хотя во всех отношениях позднейшую гоголевской, Кречинский как комедийный характер с простаком и шулером-неудачником Ихаревым не сходен. Не наследует он и характер умного Утешительного, с которым он схож только типичными качествами большого игрока и наличием порученца Расплюева. Примечательно, что «дьявольское состояние» в два миллиона Кречинский готов в итоге использовать почти по-чичиковски – «покой, дом, дура жена и тихая, почтенная старость» [Там же, с. 32] (хотя не прочь по-ихаревски махнуть в Петербург), не даром в финале он не ропщет, как Ихарев, а констатирует – «Сорвалось!!!» – в соответствии с чичиковской философией («Зацепил, поволок, сорвалось – не спрашивай»). А вот Расплюеву он готов обеспечить ровно то, о чем мечтал Ихарев: «Тебе дам двести тысяч... состояние на целый век, привольная жизнь, обеды, почет, знакомство – все» [Там же] (и Расплюеву-то этого хватит с лихвой).

Утешительных нет у Сухово-Кобылина, потому что у него другие времена, времена Ихаревых – и уже не молодых. Герои «Игроков», в отличие от парных персонажей «Ревизора» и «Женитьбы», и между собой образуют ситуацию подо-

бия-расподобления, в интриге подобие традиционно ролевое (типа двух лесежеских Фронтенов или двух Фигаро), а сюжетное расподобление шире обсуждаемого мотива. Дело не в том, что у Утешительного гибкий изобретательный ум, артистичная натура, способности трезво оценивать ситуацию и импровизировать, эти качества и до Гоголя считались эталонными для игрока с большой буквы (ср. в «Игроках» А. А. Шаховского), а Ихарев – простак с размытыми целями. Дело в том, что у Гоголя герои принадлежат к одной среде, но к разным поколениям. По Гоголю, недоросль Ихарев в силу собственной ординарности влеком амбициями ума, мыслит внешними стереотипами и в развязке поставлен перед необходимостью пересмотреть выбор ценностей, пути, целей и пр. А Утешительный – выходец из «минувших дней», из времен ратных подвигов, гусарской удали, забияки-Бурцева и Толстого-Американца⁷, которого ближайший друг, П. А. Вяземский, считал «на свете нравственным загадкой». Ф. И. Толстой был, как известно, «умен как демон», удачливый дуэлянт и шулер, но какое-то необъяснимое обаяние было в его неоднозначном «кодексе чести», оцененное Пушкиным в жизни, Гоголем в Утешительном, а Львом Толстым в Федоре Турбине. Но то – минувшее времена, а в ихаревскую эпоху (а он главный герой в «Игроках») – человеком движет, по Гоголю, «гордость ума»: «Все вынесет человек века: *вынесет названье плута, подлеца*; какое хочешь дай ему названье, он снесет его – и только *не снесет названье дурака*. Над всем он позволит посмеяться – и только не позволит посмеяться над умом своим. Ум его для него – святыня» [Гоголь, 1952, т. 8, с. 413] (курсив наш. – Е. П.).

Суть развязки «Игроков» не в плутовском анекдоте об обманутом обманщике и даже не в том, что это фиаско обманувшегося плута, а в том, что Ихарев оказывается на распутье: извлечь мораль из преподанного ему Утешительным урока и вернуться к брошенному ради мечты о легкой жизни (или о «состоянии на целый век, привольной жизни, обедах, почете, знакомствах», по выражению Кречинского о мечте Расплюева) помещицкому «делу» или продолжить бродяжничать по дорогам России в расчете на выигрыш у еще большего простака, чем он сам.

И гоголевскую тревогу по поводу выбора пути поколением деятелей подхватывает Сухово-Кобылин, раскрывая в «Свадьбе...» поставленное предшественником многоточие. У него два пятидесятилетних героя представляют альтернативные варианты ихаревской судьбы. Муромский – как вернувшийся в отчий дом или не соблазнившийся ихаревской мечтой – свой ум применяет в помещицком деле. Гоголевский Ихарев рассуждает в момент мнимого успеха: «Воображаю, хорош бы я был, если бы сидел в деревне да возился с старостами да мужиками, собирая по три тысячи ежегодного дохода. <...> Невежество-то, которое приобретаешь в деревне, ведь его ножом после необсобишь» [Гоголь, 1949, т. 5, с. 97]. Так у Сухово-Кобылина думают Кречинский с Расплюевым, а Атуева пытается убедить в этом Муромского, который между тем в ответ на ее призыв «поставить дом» сообразно светским «приличиям» настаивает на том, что жить надо для пользы: «Когда с мужиком толкуешь, так или мне польза, или ему, а иное дело – обоим» [Сухово-Кобылин, 1989, с. 11]. Для Муромского такая жизнь – и долг, и дело, и реальный практический ум, а угодливая стилизация Кречинским этого, чуждого ему самому, хода мысли («Все живет; везде дело, тихое мирное дело» [Там же, с. 20]), по Муромскому, – речь умного человека.

⁷ Оба признаны толстоведением прототипами старшего Турбина в «Двух гусарах» Л. Н. Толстого, который обозначил «те времена» именами – Милорадовича, Давыдова, Пушкина [Толстой, 2007. С. 7].

Другую ихаревскую судьбу проживает вечно битый Расплюев, для которого Федор ежедневно готовит крапленые колоды, а применить их с успехом неумелому (или неспособному) шулеру так и не удается. Его попытки так же сразу пресекаются и наказываются, как и Ихарева, которого компания Утешительного раскусила сразу же, и полгода трудов над краплением «каждой карты» для именной колоды⁸ он успешно реализовал в фокусе с отгадыванием карточных номинаций на расстоянии, но не в карточной игре. Ихарева не побили, но наказали деньгами. Расплюев – это Ихарев, не встретивший своего Утешительного или пренебрегший уроком. Но хотя в Расплюеве Ихарев сильно и во всех отношениях поистрепался («совсем ум потерял», по словам Кречинского), мечты у него, как уже говорилось, все те же⁹. Расплюевские реплики тоже полны аллюзиями к «Игрокам». К примеру, на поручение Кречинского пересчитать деньги, а булавку вернуть он реагирует так же, как Ихарев оценивает розыгрыш Утешительного¹⁰, – с совершенной растерянностью: «То есть просто ничего не вижу (*трет себе лоб*): пестрота какая-то. (*Делает жест.*) Фу! Деньги... это деньги... а вот это... булавка... точно, булавка! (*Берет деньги и начинает считать.*) Сто... двести... четыреста... девятьсот... четырнадцать... тьфу! (*Кладет и начинает считать опять деньги на столе; к публике.*) Вот вам скажу, был здесь в Москве (*вздыхает*) профессор натуральной магии и египетских таинств господин Боско: из шляпы вино лил красное и белое (*всхлипывает*); канареек в пистолеты заряжал; из кулака букеты жертвовал, и всей публике, – ну, этакой теперь штуки, закладываю вам мою многогрешную душу, исполнить он не мог; и выходит он, Боско, против Михайла Васильича мальчишка и щенок» [Сухово-Кобылин, 1989, с. 45]. Так и Ихарев-фокусник – «просто щенок» рядом с Утешительным¹¹.

В то же время в Расплюеве Сухово-Кобылин контаминирует с ихаревской и вероятную судьбу гоголевского юного инкогнито, сыгравшего в спектакле Утешительного Александра Глова. Он и у Гоголя – ихаревский двойник, только младше, и «за три тысячи» согласился участвовать в обмане, проиграв пред тем такие же родительские деньги. Ровно три тысячи нужно и Кречинскому, чтобы избежать банкротства, и именно за ними он посылает Расплюева, так их и не доставшего. А в развязке, когда потребовалось назвать полицейскому свои фамилии, Кречинский с достоинством называет полное имя (Утешительный тоже живет со своим полным именем, в отличие от Ихарева, этого не заслужившего), а Расплюев начинает метаться, как заяц: «М...и...хайло ва...ч...а? Михайло Васильич... а?» – «Я... у... у... ме... ня... нет фамилии... я так... без фамилии» [Там же, с. 63]. Хотел бы этот уже не юный псевдо Глов остаться инкогнито, как в гоголевской истории, да уже нельзя.

Как кажется, Сухово-Кобылину ни та, ни другая судьба Ихарева не по душе: ни степенное дело помещика Муромского, ни вечный гон Расплюева («Судьба!

⁸ Чего не требовалось, как утверждают руководства [Жизнь игрока..., 1827, с. 15–16].

⁹ Любопытно, что у Салтыкова-Щедрина Расплюев вызвал прямые ассоциации с Ноздревым, однако с приметной разницей: «Ноздрев – талант, в котором скверномысленная выдумка зарождается естественно, без усилий, Расплюев – человек рассуждения» [Салтыков-Щедрин, 1936, с. 327]. Есть, однако, и общее, дающее возможность предполагать генетическое родство: Ноздрев чаще «бывает бит» за нечистую игру, а в сюжете он – официальный, можно сказать, губернский шулер, который накапливает свою колоду под пристальным сочувственным взором осведомленной об этом общественности [Падерина, 2009, с. 299–311].

¹⁰ Ср.: «Но только какой дьявольский обман! <...> Но только я просто готов сойти с ума – как это все было чертовски разыграно! как тонко!» [Гоголь, 1949, т. 5, с. 100].

¹¹ В этом плане примечательно, что Расплюев обращается к публике, у которой в премьерные для «Свадьбы...» времена гоголевская пьеса была на слуху.

за что гонишь? За что гон...» [Сухово-Кобылин, 1989, с. 44]) и его упорные попытки добыть средства краплеными колодами. Гоголевские претензии к Ихареву понятны, они относятся к душевной и умственной лени, ведущей к устройению жизни по шаблонам, и только в числе прочего – модным, к подмене ума расчетом или линейной логикой. «Не понимает и толкует по-своему, вроде метафизическое математическим», – записал Гоголь в рабочей тетради еще в 1832 г. [Гоголь, 1952, т. 9, с. 19], и это в полной мере относится к его Ихареву. А во времена Расплюева, что понятно, поистерлось и «метафизическое»¹². В неоднозначном Утешительном автору явно импонировала гибкость ума и внутренняя свобода, между тем Кречинскому свойственно то и другое, но это его не спасает. Однако мы и не можем, строго говоря, торопиться с трактовкой художественной концепции Сухово-Кобылина. С Нелькиным, представляющим в «Свадьбе...» от молодого поколения деятелей, надо разбираться отдельно, с развитием мотива в трилогии – также. Достаточно вспомнить обсуждение (по поводу живучести Тарелкина) пословичных формул об уме во втором действии «Дела», когда Касьян Касьянович Шило протестует против варианта «не родись умен, а родись счастливым»: «Это глупая поговорка – по-моему, это по стороне бывает. Вы заметьте: вот в Англии говорится: не родись умен, а родись купец; в Италии: не родись умен, а родись певец; во Франции: не родись умен, а родись боец... <...> А у нас? Сами видите: *(указывает на дверь, где Тарелкин)* не родись умен, а родись подлец» [Сухово-Кобылин, 1989, с. 92]. Меж тем, совершенно по-гоголевски названный Касьян Касьянович Шило не является выразителем авторской идеи.

Напомним в заключение, что для Сухово-Кобылина было равно важно и театрально-сценическое, и литературное достоинство пьесы, и 21 ноября 1855 г. он записал в дневнике: «...нынешний день надо заметить как переходный пункт от просто театральной пьесы к Литературному произведению» [Там же, с. 290]. Сценическая история комедии и театральная критика предоставляют обширный материал для описания типов и характеров «Свадьбы Кречинского», но как литературная пьеса, как художественная концепция она до сих пор не рассмотрена, между тем рецепция только одного гоголевского мотива, даже не всесторонне описанная, свидетельствует о том, что речь должна идти о серьезном и вдумчивом литературном диалоге Сухово-Кобылина с Гоголем (и не только) на самые животрепещущие темы отечественной культуры. Что касается мотива «всё – ум», то он теснейшим образом связан у Гоголя и у Сухово-Кобылина со столь же значимым в русской культуре понятием «дело», и эта связь развернута у обоих в целом комплексе мотивов. В этом плане иначе следует отнести и к тому биографическому факту, что «Свадьба Кречинского» зарождалась параллельно завершению Сухово-Кобылиным перевода гегелевской философии истории, а эпитафией к первому изданию трилогии он выбрал хорошо известную сейчас сентенцию из «Логики» Гегеля – «...кто разумно смотрит на мир, на того и мир смотрит разумно; то и другое взаимно обуславливают друг друга», но при этом поставил рядом в качестве «русского перевода» поговорку – «Как аукнется, так и откликнется». И в этом соположении просматривается и пушкинская, и гоголевская эпитафическая ирония в карточных сюжетах.

¹² Примечательно, в частности, что Расплюев в течение всей пьесы не раз бросает взгляд на прожитое и неизменно оценивает его именно как судьбу и – почти фатум, но – по верстовым столбам романтической и мелодраматической традиции (ср., например: «Деньги... карты... судьба... счастье... злой, страшный бред!.. Жизнь... Было времечко, было состояньице: съели, проклятые... потребили все... Нищ и убог!..») [Сухово-Кобылин, 1989, с. 30].

Список литературы

- Виноградов В. В.* О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
- Вольперт Л. И.* Пушкин и французская комедия XVIII в. // Пушкин: Исследования и материалы / Отв. ред. Р. В. Иезуитова. Л.: Наука, 1979. Т. 9. С. 168–187.
- Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. [Б. м.]: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 5. 512 с.; 1952. Т. 8. 816 с.; Т. 9. 684 с.
- Гроссман Л.* Театр Сухово-Кобылина. М.; Л.: Изд. ВТО, 1940. 150 с.
- Жизнь игрока, описанная им самим, или Открытия хитрости карточной игры. Российское сочинение. Ч. 2. М.: В тип. А. Семена, 1827. 256 с.
- Лотман Ю. М.* «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 1997. С. 786–814.
- Падерина Е. Г.* К творческой истории «Игроков» Гоголя: история текста и поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 448 с.
- Ронен И.* К пушкинским истокам драматургии Гоголя // Пушкинская конференция в Стэнфорде. 1999. Материалы и исследования / Под ред. Дэвида М. Бетеа и др. М.: ОГИ, 2001. С. 339–340.
- Сухово-Кобылин А. В.* Картины прошедшего / Изд. подгот. Е. С. Калмановский, В. М. Селезнев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989 (Серия «Литературные памятники»). 370 с.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1936. Т. 14. 624 с.
- Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 100 т. М.: Наука, 2007. Т. 3. 583 с. (Серия «Художественные произведения»: В 18 т.)
- Чернышевский Н. Г.* Очерки гоголевского периода русской литературы. М.: Худож. лит., 1984. 511 с.
- Gresset J.-B.-L.* Le Méchant. Comedie en 5 actes en vers. Paris, 1747. 152 p.

E. G. Paderina

*Institute of World Literature named after Maxim Gorky RAN
Moscow, Russian Federation*

“Mind Is Everything, and Mind Is Everywhere”: Gogol’s Motif in Krechinsky’s Philosophy

Sukhovo-Kobylin has been for long recognized as the successor of Gogol-comedian, but this scientific topic is still outlined only in the thesis (satirical point of view and tragicomic way of reflecting Russian reality). Meanwhile, the artistic concept of the first Sukhovo-Kobylin’s comedy and his trilogy generally is based on a serious and thoughtful dialogue with Gogol about the actual problems of Russian life. In particular, the article deals with the important problem (according to the opinion of both playwrights), the problem of self-consciousness of the Russian man – the correlation of the concepts of “mind” and “cheating”. The closer ties of these concepts in one literary motif of Russian Comedy are known by Griboyedov’s comedy. Gogol also considered different options of the convergence of these two concepts in the lives of many of his characters, including Chichikov. The article author’s attention is focused on Gogol’s “Gamblers” and Krechinsky’s “Wedding” by Sukhovo-Kobylin where the motif is immersed in the theme of cheating in the card game and in life. “Smart” cheats and sharpers of Gogol belong to different generations, and in the final of “Gamblers” (1842) the system of values of already independent Ikharev and young unsophisticated Glov is debunked. Both of them have to face the new life choice. That is the way the comedian expressed his concern about the fate of the young personali-

ties' generation. In his last book ("Selected fragments from correspondence with friends", 1847) Gogol anxiously contemplated on the fate of Russia, blaming the modern Russian man in the willingness to be known even as a cheat, but not as a fool. Krechinskiy is Ikharev of his own generation. Although he is smarter and more practical, and his ambitions are much greater, the comedy collision of the Sukhovo-Kobylin's hero is similar to Ikharev's one: his philosophy is also based on the priority of the mind ("Mind is everything, and mind is everywhere"); the mind is also associated with cheating, and in the final the main hero also fails. Besides, Sukhovo-Kobylin denies the prospects of choice that are proposed by Gogol to the generation of young personalities. Krechinskiy at the moment of fiasco has no doubts about his philosophy. Rasplyuev and Muromskiy bring out two possible destinies for Ikharev, but the author evaluates negatively not only the life of Rasplyuev, the unlucky sharper, he does not also see any prospects in Muromskiy's life choice to be a successful landlord. The fate of Gogol's card players and adventurers in the changed historical circumstances of the 1850s in the first play of the Sukhovo-Kobylin's trilogy appears to be unattractive.

Keywords: Sukhovo-Kobylin, Gogol, comedies, generations, knaves, card sharps, the motif of "mind".

DOI 10.25205/2410-7883-2019-2-14-23

References

- Chernyshevsky N. G. Ocherki gogolevskogo perioda russkoj literatury [The essays on the Gogol period of Russian literature]. Moscow, Khudozh. lit., 1984, 511 p. (in Russ.)
- Gogol N. V. Poln. sobr. soch. [Complete of works]: In 14 vols. Izd-vo AN SSSR, 1949, vol. 5, 512 p.; 1952, vol. 8, 816 p.; vol. 9, 684 p. (in Russ.)
- Gresset J.-B.-L. Le Méchant. Comédie en 5 actes en vers. Paris, 1747. 152 p.
- Grossman L. Teatr Suhovo-Kobylyna [The Theater of Sukhovo-Kobylin]. Moscow, Leningrad, VTO Publ., 1940, 150 p. (in Russ.)
- Lotman Yu. M. «Pikovaja dama» i tema kart i kartochnoj igry v russkoj literature nachala XIX veka. In: Lotman Yu. M. Pushkin. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 1997, p. 786–814. (in Russ.)
- Paderina E. G. K tvorcheskoj istorii «Igrokov» Gogolya: istoriya teksta i poetika [On the creative history of Gogol's "Gamblers": the history of text and poetics]. Moscow, IMLI RAN, 2009, 448 p. (in Russ.)
- Ronen I. K pushkinskim istokam dramaturgii Gogolya. In: Pushkinskaya konferentsiya v Stenforde. 1999. Materialy i issled. [Pushkin conference at Stanford. 1999. Materials and research]. Ed. by Devid M. Betea et al. Moscow, OGI, 2001, p. 339–340. (in Russ.)
- Saltykov-Shchedrin M. E. Poln. sobr. soch. [Complete of works]. In 20 vols. Moscow, Khudozh. lit., 1936, vol. 14, 624 p. (in Russ.)
- Suhovo-Kobylin A. V. Kartiny proshedshego [Pictures of the past]. Eds. E. S. Kalmanovskij, V. M. Seleznev. Leningrad, Nauka, 1989, 370 p. (Series «Literaturnye pamyatniki») (in Russ.)
- Tolstoy L. N. Poln. sobr. soch. [Complete of works]. In 100 vols. Moscow, Nauka, 2007, vol. 3, 583 p. (Series «Khudozhestvennye proizvedeniya» ["Artwork"], in 18 vols.) (in Russ.)
- Vinogradov V. V. O yazyke khudozhestvennoj prozy [About the language of fiction]. Moscow, Nauka, 1980, 360 p. (in Russ.)
- Volpert L. I. Pushkin i frantsuzskaya komediya XVIII v. In: Pushkin: Issledovaniya i materialy [Pushkin: Research and materials]. Ed. by R.V. Iezuitova. Leningrad, Nauka, 1979, vol. 9, p. 168–187. (in Russ.)
- Zhizn' igroka, opisannaja im samim, ili Otkrytyja hitrosti kartochnoj igry. Rossijskoe sochinenie [The life of the player described by himself, or the Discovery of the tricks of the card game. Russian essay]. Pt. 2. Moscow, In print. A. Semena, 1827, 256 p. (in Russ.)

Ekaterina G. Paderina – DSc of Philology, Senior Researcher, Russian Classical Literature Department of Institute of World Literature named after Maxim Gorky RAS (25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation, info@imli.ru)